

УДК 821. 512

«НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ» В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Д.Ф. Загидуллина, академик АН РТ

Тенденции развития национальных литератур, его направления и особые «моменты роста» привлекали внимание исследователей, заставляя искать параллели между развитием человечества вообще и человека в частности, и его творческого сознания. Интерес вызывало и вызывает сравнение тенденций развития национальных литератур, что могло бы раскрыть одну из величайших загадок бытия про общее или особенное в духовной истории этносов. Наша работа, посвященная особенностям формирования и функционирования неклассического типа культуры на материале татарской литературы XX века, будет соприкасаться с этими проблемами.

В теоретической типологии культур, связанной с выявлением сущности культур в определенные эпохи, обычно выделяют доклассический, классический, неклассический и постклассический типы. Неклассическим типом культуры принято называть объединяющий авангардные, модернистские явления период – преимущественно культуру XX века. Считается, что он складывался в результате пересмотра философских основ и творческих принципов художественной культуры «классического типа» XIX века.

После того, как В. Гегель определил процесс модернизации рождением нового духа, исследователей заинтересовал вопрос об особенностях культуры модернизма. Главную ее отличительную черту, на наш взгляд, сформули-

ровал Н.Л. Лейдерман, отвечая на вопрос о различии между классическим и неклассическим типами культуры. Ученый исходит из того, что каждое художественное произведение стремится построить заверченный и одновременно универсальный образ мира. «В литературе классического типа всегда присутствует художественный образ Космоса, который завершает собой произведение как художественное целое, делает некий неизбежно локальный сюжет, переживание, действие концентрированным воплощением смысла бытия и человеческой жизни»¹. По его мнению, возникший на исходе XIX века и получивший название модернистского новый тип культуры рожден глубочайшим разочарованием и сомнением в достижимости мировой гармонии вообще и ориентирован «не на преодоление хаоса космосом, а на поэтизацию и постижение хаоса как универсальной и неодолимой формы человеческого бытия»². Он фокусирует внимание на личности, а внешний мир воспринимается как непостижимый хаос, «который возник в результате распада единого направления и возникновения альтернативных вариантов».

Классики социальных теорий, рассматривая процесс модернизации как результат распада религиозной картины мира, отмечают разрушение традиционных жизненных форм, и как результат – универсализацию социальных норм и генерализацию

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ. № 12-14-16015а/В/ 2012.

ценностей³. Процесс секуляризации, активизация светской культуры пробуждали интерес к философии, стремление к философствованию. То, что раньше воспринималось как аксиома, вдруг превратилось в философскую проблему. И новый тип культуры, который сменил религиозный и просветительский взгляд на бытие, аккумулировал в себе философское содержание, ассоциативность и сложность образа мира. Это особенно заметно на примере татарской культуры, в которой процессы, происходившие в Европе постепенно, прошли «ускоренный» путь.

Из этой особенности вырастает еще один формальный признак, присущий культуре модернизма, который Юрген Хабермас назвал «расколом культуры на специальные дискурсы о проблемах вкуса, истины и справедливости»⁴. По сути, немецкий философ отмечает тот факт, что культура модернизма предложила единый образ мира, который вобрал в себя различные, зачастую противоречащие друг другу, точки зрения, взамен монолога и «единственно верного» взгляда на жизнь. В современных энциклопедиях понятие «модернизм» разъясняется именно в данном ключе: «модернизм – неклассический тип философствования, радикально дистанцированный от классического интеллектуальным допущением возможности плюрального моделирования миров и – соответственно – идеей онтологического плюрализма»⁵. В татарской литературе начала XX века диалогом культур Востока и Запада, диалогом эстетических концепций различных художественных направлений, форм, жанров и стилей, диалогом литературы и философии обусловлена ее синтетическая природа.

Еще одно свойство, присущее неклассическому типу культуры, было названо Ю. Хабермасом «принципом субъективности». В отличие от самих создателей модернистской культуры (Бодлер и др.) ученый рассматривает данный термин шире. «Исходным пунктом модерна становится актуаль-

ность, которая поглощает себя, освобождается от транзитов переходного и новейшего времени, складывавшихся десятилетиями, и конституируется в центре модерна. Актуальному настоящему, современности непозволительно искать самосознание в оппозиции к отвергнутой и преодоленной эпохе, к форме прошлого. Актуальность может конституировать себя только лишь как точка пересечения времени и вечности модерна, однако избавляется не от своей неустойчивости, а от тривиальности (...) Произведение искусства времени модерна стоит под знаком объединения подлинного с эфемерным»⁶.

Многие признаки неклассического типа культуры, или модернизма, который мы рассматриваем как художественное явление, вытекают из этих главных его свойств. Они будут обозначены нами в процессе анализа татарской литературы неклассического типа.

Модернизм оказал огромное влияние на художественный процесс XX века, привлекал к себе талантливых творцов и изменил систему духовных ценностей. Поэтому каждая нация попыталась «примерить» данное явление к своей культуре и литературе.

В татарском обществе разговор о модернизме как явлении, присущем европейской и русской литературам, начинается в 1913–1914 гг. как составная часть размышлений о перспективах развития национальной культуры. Ставшее временем зарождения новой татарской литературы в результате формирования татарской периодической печати, издательского дела, поворота к светскому образованию, к новой культурологической ориентации – от Востока к Западу, начало XX века дало импульс формированию новых тенденций в художественном сознании. К началу века татарское общество воспитало целую плеяду образованных молодых людей, часто продолжавших свое обучение в университетах, знающих русский и европейские языки, восприимчивых к новым литератур-

ным веяниям, желающих поднять свою культуру до общеевропейских высот, поставивших задачу реформирования татарского общества, общественно-философской, эстетической, научной мысли. В различных формах развернулась культурно-просветительская деятельность национальной интеллигенции, которая способствовала трансформации татарской культуры.

Но если в литературах Запада, а также многих народов Востока «поиск нового» начинался с отказа от просветительской парадигмы в пользу романтической, у татар просветительская литература стала основой, базой для становления самобытной национальной культуры. Это объясняется несколькими причинами. Сформировавшаяся сравнительно поздно, только во второй половине XIX века, в период становления национального самосознания народа, татарская светская просветительская литература на первый план выдвинула необходимость преобразования конкретного национального общества. По времени движение просветительства совпало с процессом секуляризации, поэтому наблюдаются резкие перемены в сторону европеизации жанровых и стилевых структур. В целом в ней преобладали утверждающий пафос, мотивированность стремлений и дел героев, доминировали мотивы взаимосвязанности нравственного совершенства и просвещенности, важности роли семьи в деле реформы общества, освобождения женщины от семейного и духовного гнета и т.д. Эти особенности не противоречили, а были созвучны стремлениям молодой татарской интеллигенции, вышедшей на литературную арену в начале XX в. Исследования последних лет доказывают, что просветительская парадигма сохранила свою роль в татарской литературе не до 1905 г., а вплоть до 1917 г., и значение – в национальной культуре всего XX века.

Татарскую литературу начала XX века можно разделить на два этапа: 1905–1911 и 1912–1917 гг. До 1912 г.

просветительская парадигма оставалась ведущей, и этот период назван Г. Ибрагимовым «периодом пробы пера»⁷. Второй период – время борьбы за эстетическое совершенство, «за художественность» в литературе, на что обращали внимание в свое время и татарские критики⁸. Начиная с 1912 г. «законодателем моды» в литературном процессе становится журнал «Сознание» («Аң»), который уделяет особое внимание философским материалам и готовит теоретическую базу для модернистской литературы.

Так, автор статьи «Бытие и философия» (1913) М. Кайбышев, известный писатель (псевдоним М.Ханафи), студент Казанского императорского университета, заявляет, что пришло время найти новый философский и духовный компас, не ограничиваясь мусульманской философией⁹. Подробно анализируя мусульманскую и христианскую философию в статьях «Хазрати Мухаммед» и «Хазрати Гайса», он стремится изменить отношение в обществе к считающейся единственно верной религиозной концепции миропонимания, представив ее, по сути, как одну из многих концепций. Начинается процесс демифологизации религиозных представлений. Сам Кайбышев-философ тяготеет к взглядам А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Штирнера.

В статье «Женщина – кто она?» (1914)¹⁰, проследив за эволюцией отношения к женщине в мировой философии, культуре на примере произведений М. Метерлинка, Г. Ибсена, Ф.М. Достоевского и др., разъясняет татарскому читателю преимущества модернистской литературы. Продолжив начатый разговор в статье «Преступление и наказание» (1915), Кайбышев размышляет о проблеме свободы женщины через призму философии Ницше, подчеркивает, что данная проблема – не только социальная, а прежде всего общечеловеческая, философская¹¹. Философия осознается как бы та грань, которая разделяет традиционную и новую культуры.

Татарская критика также выявляет некоторые особенности новой литературы. Так, Г. Губайдуллин, проанализировав модернистские явления в творчестве С. Рамиева, называет его «индивидуалистом». Ф. Сайфи-Казанлы относительно творчества С. Сунчалая самым важным признаком в литературе выделяет субъективное начало¹². Н. Хальфин призывает «оторваться от земли»¹³, А. Мухитдиния творчество европейских модернистов ставит в пример¹⁴ молодым авторам татарской литературы.

Параллельно ведется ознакомление читателя с новыми течениями. В 1913 г. газета «Йолдыз» публикует статью «Футуризм», назвав его формой литературы будущего¹⁵. В ответ Ф. Сайфи-Казанлы выступает с резкой критикой «подобных домислов»¹⁶. Та же газета в 1915 г. публикует статью Н. Дума-ви «Одно суждение», где модернизм (декаданс) называется естественной формой эволюции художественной мысли. Дума-ви обращает внимание на обогащение романтизма и реализма в татарской литературе модернистскими приемами. Однако автор подчеркивает необходимость сохранения национальных традиций при использовании новых явлений: национальные идеи, точную эмоциональность необходимо выразить в национальном стиле, в национальной форме¹⁷. По его мнению, если национальная литература сумеет сохранить свои особенности, только тогда она будет интересна другим нациям и станет частью общемировой литературы. Национальная особенность литературы – в национальной форме. Та же мысль красной нитью проходит через следующую статью Дума-ви – «Одно суждение о философии» (1915), где он предупреждает об угрозе потери самобытности культуры из-за влияния Запада¹⁸. В ответ Дж. Валиди приводит сильные аргументы в пользу «ориентации на Запад», которую он считает «исторической и социальной неизбежностью», и призывает оппонента не ограничиваться в данном воп-

росе литературой¹⁹. В ответной статье Н. Дума-ви переносит разговор в сферу литературы, заявляя, что литература романтизма, символизма, модернизма позволяет писателю довести до своего читателя величие духа, фантазии, любви и красоты. Однако он считает, что новые явления должны появляться на базе национальных традиций.

В 1915–1916 гг. газета «Тормыш» предлагает своим читателям статьи, пересказывающие лекции приват-доцента Петроградского университета П.С. Когана, прочитанные им в Уфе, о модернизме в литературе. Первая из них посвящена анализу термина «модернизм»²⁰. Основными признаками литературы модерна выделяются субъективизм, стремление к духовной свободе, особый стиль, выраженный интуитивно в словах, интонации, цветах, эмоциях. Во второй статье речь идет о модернизме и реализме в европейских и русской литературах, и высказывается мысль о том, что реализм вытесняет модернистские искания²¹.

Статьи объединяет схожий взгляд на модернизм как на синтез европейской рациональности и восточной эмоциональности. Кроме того, формируется представление о том, что в татарской литературе модернистские явления не существуют в «чистом» виде, они становятся средством обогащения романтических и реалистических произведений.

Такая тенденция сохраняется и после 1917 г. В 1920–1930-е гг. происходит первичное осмысление модернистских явлений в татарской литературе. И этот процесс связан, в первую очередь, с деятельностью Г. Сагди и Г. Нигмати.

В 1925 г. выходит в свет книга Г. Нигмати «На литературной арене», в которой молодой талантливый литературовед пишет: «В конце XIX – начале XX веков романтизм заявил о себе в статусе модернизма»²². Он уравнивает модернизм с неоромантизмом, однако символизм определяет как одно из течений модернизма. В отличие от «ре-

алистов-наблюдателей», по мнению ученого, «символисты – философы, люди думающие»²³. Нигмати очень четко проводит грань между реализмом и символизмом, выделяя множество свойств и особенностей. Называет «символистами» в татарской литературе Дардменда и С. Рамиева, а также Х. Такташа. Он касается и термина «декадентство», считает его не синонимом модернизма, а предварительным этапом зарождающегося нового явления в литературе.

Нигмати также рассматривает два модернистских течения в национальной литературе 1920-х гг., возникших, по его мнению, под воздействием русской литературы: футуризм (ученый приводит в пример и анализирует стихотворения Г. Кутуя и Х. Туфана) и имажинизм (К. Наджми).

Книга Г. Нигмати становится первым изданием, где проанализированы с литературоведческой точки зрения новые явления в татарской литературе.

Через год появляется фундаментальный труд Г. Сагди – «История татарской литературы», который охватывает литературный процесс XIX – до 1920-х гг. В татарской литературе начала XX века он выделяет два направления: реализм, в том числе просветительский, и романтизм. По его мнению, символизм в татарской литературе является последним этапом в развитии романтизма, активно проявляется в творчестве Дардменда, в гисьянистской поэзии С. Рамиева, его элементы он выявляет в творчестве Ф. Амирхана, Ш. Бабича, Н. Исанбета, Ф. Бурнаша и др.

В 1920-е гг. Г. Сагди активно начинает интересоваться модернистскими течениями. Например, в 1923 г. в Ташкенте он прочитал лекцию «Одно из новых течений – футуризм», текст которой был опубликован в журнале «Наш путь»²⁴. И в монографии «О символизме» (1932) мы наблюдаем трансформацию его взглядов относительно «символизма». Во введении он пишет: «В годы реакции (речь идет о

1907–1908 гг. – Д.З.) у татар активизировался романтический стиль и тогда же заявил о себе как о мощном литературном течении символизм, который сохранился до Октября. Самыми активными в татарской литературе данного периода были эти два разных стиля, но несмотря на это, продолжал существовать и реализм»²⁵. Ученый разделяет два понятия: «романтизм» и «символизм»; по-прежнему подчеркивает, что «символизм» возникает на базе романтизма, является последним этапом в его развитии. И, завершая свою мысль, отмечает: «Поэтому символизм называют «новым романтизмом» и «модернизмом»²⁶. Наряду с социальными факторами, ученый отмечает первостепенное значение для зарождения модернизма в татарской литературе влияния восточной и русско-европейских литератур.

Ученый разделяет «восточный» и «западный» типы модернизма. Общими для них он считает 4 признака: концептуальность (идеологический монизм); мистицизм и пантеизм; индивидуализм; особый стиль, структурирующийся вокруг символа²⁷.

Первые «лучи» восточного модернизма Сагди находит в поэзии XV в. Восточного Туркестана, а в татарской литературе – в XIX в. Он стремится выделить устойчивые признаки «восточного» модернизма, заявляет, что таковыми являются суфийская философия и философия гисьянизма, которые ощутили сильное влияние персидской культуры. «Философию тасаввыф» он наблюдает «в XV в. в турецкой литературе – в Анатолии» (упоминается «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха), в азербайджанской поэзии XVI в. (через творчество Физули), в татарской поэзии XVII в.²⁸. Творцами модернизма в татарской литературе называются Дардменд, С. Рамиев, Н. Думава, М. Кайбышев, после 1917 г. – Х. Такташ, К. Наджми (имажинизм).

Через анализ общеизвестных стихотворений Дардменда («Мы», «Корабль», «Не окропил я саван...», «Бы-

тие») ученый показывает значение средневековой суфийской поэзии для творчества татарского поэта. Анализ стихотворений Н. Думави, М. Гафури свидетельствует, по мнению ученого, о том, что суфийская философия стала основой модернистского творчества ряда поэтов. Их последователями он называет В. Джаляла, И. Киляули, «М», Х. Абушева, Ф. Ибрагимова, Х. Габдуллаева, Г. Сунгати, Б. Мирзанова, Ченакая, «Илгата» и др.

«Второе крыло» модернизма, по мнению Г. Сагди, складывается под влиянием русской литературы. В пример он приводит творчество С. Рамиева, последователями называет И. Киляули, Х. Такташа, Ф. Ибрагимова, Бабича, Н. Исанбета, Г. Сунгати и др. В прозе рассматривается творчество М. Ханафи (Кайбышева), Накии, Г. Рахима, Н. Гасрыя, Ф. Амирхана, Г. Губайдуллина. Футуризм и имажинизм – на примере творчества К. Наджми, Х. Туфана.

В 1930-е гг. в статьях, посвященных творчеству отдельных поэтов и писателей, также обращается внимание на признаки модернизма. Так, например, во вводной статье к собранию сочинений Г. Губайдуллина, изданному в 1930 г., Г. Рахим называет некоторые рассказы писателя «символистско-философскими», написанными в символистском направлении²⁹.

Однако уже к концу 1920-х гг. стремление к созданию «единой советской литературы», нетерпимость к инакомыслию в литературоведении привели к установлению негативного отношения к романтизму вообще. На страницах периодической печати устойчиво повторяется фраза: «Романтизм – самое вредоносное течение в литературе современности»³⁰. Модернистские явления, получившие клеймо «декадентства», рассматривались как свойства, присущие буржуазному искусству. В трудах некоторых литературоведов на основе марксистско-ленинской философии сформировалась концепция (в татарском литературове-

дении, прежде всего, Г. Нигмати), согласно которой романтизм имеет два крыла: «оптимистическое» и «пессимистическое»³¹. «Пессимистическое» крыло якобы стало базой для создания модернистских произведений, которые являются наследием прошлого. В результате в литературоведческих трудах романтическое и модернистское искусство изучалось критически, многие романтические и модернистские произведения были определены, в соответствии с требованиями времени, как реалистические.

Далее, в процессе определения «стилей» советской литературы, в трудах Г. Нигмати и Г. Сагди модернистские явления рассматривались фундаментом для возникновения «нового метода»: «красного романтизма» или «военного коммунизма». Так, например, Г. Сагди писал, что рождение советской литературы происходило в два этапа: на первом этапе (1918–1921) этому способствовали авангардные явления типа «гисьянизма, плакатности, абстракционизма, диспутизма, экзистенциализма (нидачылык), космизма и схематизма»³². Первыми писателями – сторонниками «военного коммунизма» он назвал Ш. Усманова, К. Наджми, М. Максуда и Х. Такташа. По его мнению, второй этап (1921–1928) – время появления полноценного метода – «пролетарского реализма»³³. По мнению Нигмати, относительно послереволюционной татарской литературы «не могло быть и речи о стальном, чистом пролетарском художественном стиле»³⁴: на материале анализа произведений он выявляет наличие таких течений, как символизм, романтизм, футуризм и имажинизм. Таким образом, как и Г. Нигмати³⁵, Г. Сагди отмечает существование авангардных явлений в татарской литературе 1920–1930-х гг.

После первого Всесоюзного съезда советских писателей, с 1932 г., достойным внимания исследователей признается метод социалистического реализма (статьи Г. Ибрагимова «Неко-

торые литературные проблемы» (1932), Г. Нигмати «Проблемы социалистического реализма в татарской советской литературе» (1933) и др.). Все, что не подпадает под рамки данного метода, отвергается как образцы формализма.

Такая тенденция, по сути, продолжалась вплоть до 1980-х гг. Хотя с 1950-х гг. с различных трибун, со страниц газет и журналов все больше слышались призывы изучать «индивидуальные стили», «которые только обогащают метод социалистического реализма», негативное отношение к романтизму и авангардным явлениям сохранилось. Например, в монографии «Татарская литература в начале XX века» (1954) Гали Халит оценивает явления «символизма» в творчестве Дардменда, С. Рамиева, М. Ханафи, Ф. Амирхана, Н. Думави с таких позиций и находит их не отвечающими требованиям революционного искусства. И в последующих трудах³⁶ «декадентские явления» рассматривались как результат социально-исторических процессов.

Ситуация начинает меняться к началу 1980-х гг. Этому способствовала дискуссия, разгоревшаяся вокруг термина «творческий метод»³⁷. Однако новый подход к романтизму, определение его места в татарской литературе как «романтизма идей»³⁸ привели к формированию представления о том, что модернистские приемы в татарской литературе наблюдались в структуре произведений реалистического или романтического толка, обогащая тем самым эти два направления.

В 1980–1990-х гг. в трудах ученых: Р.К. Ганиевой, Ю.Г. Нигматуллиной, А.М. Саяповой – начался процесс «возвращения» модернизма. Р.К. Ганиева выделяла приемы экспрессионизма в стихотворениях Н. Думави, импрессионизма, экспрессионизма, экзистенциализма – в творчестве Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Г. Ибрагимова³⁹.

А.М. Саяпова в диссертации, посвященной творчеству Дардменда,

рассматривает литературный процесс начала XX века с точки зрения присутствия в нем новых явлений: «В начале XX века в татарской литературе складывалось то соотношение художественных направлений, которое определяет до сих пор развитие литературы и искусства: соотношение реализма (просветительского, критического) – с одной стороны, и различных «антиреалистических» (романтических, модернистских) течений – с другой. Это соотношение сложилось за короткий промежуток времени, отличавшийся ускоренным и бурным характером. Аналогичная ситуация была характерна и русской литературе конца XIX – начала XX века. Однако татарская литература в то же самое время прошла еще путь так называемого ускоренного развития, преодолев тем самым дистанцию, разделяющую ее от европеизированных литератур, в том числе русской. Своеобразие соотношений художественных направлений выразилось в следующем: во-первых, в творчестве многих представителей татарской литературы этого периода обнаружилось черты различных литературно-эстетических позиций, во-вторых, творчество отдельных представителей татарской литературы приобрело достаточно сложный, противоречивый характер, и, в-третьих, некоторые течения не получили в татарской литературе отдельного, обособленного развития, а дали о себе знать как составные части или как дополнение особенности других течений. Такова была судьба в татарской литературе импрессионизма и экспрессионизма»⁴⁰.

Ю.Г. Нигматуллина посвящает модернизму в татарском искусстве специальную монографию. Сравнивая национальную культуру с европейской, ученый применяет термин «запоздалый модернизм» по отношению к татарскому искусству. По мнению Нигматуллиной, модернизм в татарской культуре XX века появляется дважды: в первой трети XX в. в творчестве Дардменда, Х. Такташа (символизм),

А. Кутуя (футуризм), К. Наджми (имажинизм), и в 1970-е гг. – в изобразительном искусстве⁴¹.

Однако в 1990-е гг., в связи с начавшимся возвращением культурного наследия, отложившегося на арабографике, появляются новые факты, свидетельствующие о существовании в татарской литературе начала XX века «чисто модернистских» произведений⁴². Возникает необходимость определения их места и роли в литературном процессе.

Изменение социокультурной ситуации в стране, смена научных парадигм в литературоведении заставляют по-новому, с новых позиций взглянуть на литературный процесс всего XX века. Бросаются в глаза такие особенности в эволюции татарской литературы, как отсутствие постмодернистских поисков в татарской поэзии, выделяются периоды активизации модернистских экспериментов (неомодернизма) в ней, начиная с 1960-х гг. вплоть до наших дней. Удивляет использование прозаиками постмодернистских приемов на материале модерна, когда модернистские особенности воспринимаются традицией на фоне новых явлений. Все эти моменты укрепляют мысль о том, что многие ответы на эти вопросы могут быть найдены при глубоком изучении возникновения и национальных особенностей модернизма в татарской

культуре, при выявлении точной грани между романтизмом и модернизмом, при определении основных тем и мотивов модернистской национальной литературы.

При этом, стремясь к объективной картине литературоведческих мнений о проблеме «татарского модернизма», мы принимаем во внимание позиции татарских ученых первой трети XX века – современников новых явлений в культуре – о внутрилитературном творческом синтезе в национальной литературе романтического и модернистского, реалистического и модернистского начал. Синтетические тенденции, присущие любой культуре в период формирования, становления авангарда, в татарской литературе свидетельствовали о взаимопроникновении восточных и западных художественных традиций, об особенностях адаптации чужих эстетических достижений исходя из национальных запросов. Рассмотрев проблему взаимодействия искусств на материале литературы Серебряного века, И.А. Азизян отмечает, что в основе подобного явления лежало «диалогическое мышление»⁴³. В татарской литературе начала XX века также новое поколение творческих людей, воспитывавшихся на традициях двух культур, стали носителями и трансляторами диалогического мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лейдерман Н.Л.* Миробразы Космоса и Хаоса в русской литературе XX века // Современная русская литература: 1950–1990-е годы. В 2 т. Т.1. – М.: Изд-ский центр «Академия», 2006. – С.13.

² Там же.

³ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. – М.: ИНИОН АН СССР, 1972. – Т.1.

⁴ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Весь мир, 2003. – С.350.

⁵ Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и научн. редакторы А.А. Грицано, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С.478.

⁶ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Весь мир, 2003. – С. 12.

⁷ *Ибраһимов Г.* Татар матбугаты // Йолдыз. – 1910. – 12 января.

⁸ *Кәримов Х.* Әдәбиятта үзгәрешләр көтелә // Аң. – 1913. – № 17. – С.297–298.

⁹ *Хәнәфи М.* Хәят вә фәлсәфә // Аң. – 1913. – № 11. – С.359.

- ¹⁰ *Хәнәфи М.* Хатын – кем? // Аң. – 1914. – № 4. – С.80–81.
- ¹¹ *Хәнәфи М.* Жинаять һәм жәза // Аң. – 1915. – № 9–10. – С.194.
- ¹² *Сәйфи-Казанлы Ф.* Сәгыйт Сүнчөләй шигырьләре // Аң. – 1913. – № 21. – С.10–14.
- ¹³ *Хәлфин Н.* 1913 елны татар шагыйрьләре // Аң. – 1914. – № 1. – С.11–12.
- ¹⁴ *Мөхетдиния Ә.* Кем ул мөгаллимә Фатыйма? // Аң. – 1914. – № 23. – С.417.
- ¹⁵ Футуризм // Йолдыз. – 1913, 27 декабрь.
- ¹⁶ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Футуризм // Йолдыз. – 1914, 2 марта.
- ¹⁷ *Думаи Н.* Бер мөлэхазә // Йолдыз. – 1915, 14 октябрь.
- ¹⁸ *Думаи Н.* Фәлсәфә хакында «Бер мөлэхазә» // Йолдыз. – 1915, 22 октябрь.
- ¹⁹ *Вәлиди Ж.* Шәрәыктан – Гарәбкә // Аң. – 1916. – № 4. – С.69–71.
- ²⁰ *Самат.* Күк кош һәм безнен көннәр // Тормыш. – 1915, 30 октябрь.
- ²¹ *Самат.* Әдәбиятта вәхшиләшү һәм тәкамел итү // Тормыш. – 1916, 14 сентябрь.
- ²² *Нигъмәти Г.* Әдәбият мәйданында. – М.: СССР халыкларының үзәк нәшр., 1925. – С.23.
- ²³ Там же. С.46.
- ²⁴ *Сәгъди Г.* Яңа әдәби агымнардан футуризм // Безнең юл. – 1923. – № 3. – С.120–127.
- ²⁵ *Сәгъди Г.* Символизм турында. – М.: Центриздат, 1932. – С.10.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С.41.
- ²⁸ Там же. С.9.
- ²⁹ *Рәхим Гали.* Г.Газиз әсәрләре // Газиз Гобәйдуллин: Фәнни-биографик хыен-тык. – Казан: Рухият, 2002. – С.219–225.
- ³⁰ Безнең юл. – 1927. – № 8. – С.54.
- ³¹ *Нигъмәти Г.* Әдәбият мәйданында. – М.: СССР халыкларының үзәк нәшр., 1925. – С.19–22.
- ³² *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты. – Казан, 1930. – С.41.
- ³³ Там же. С.45.
- ³⁴ *Нигъмәти Г.* Матур әдәбият фронтындагы ун ел // Ун ел эчендә татар матур әдәбияты: Альманах. – Казан, 1930. – С.17.
- ³⁵ *Нигъмәти Г.* Матур әдәбият фронтындагы ун ел // Ун ел эчендә татар матур әдәбияты: Альманах. – Казан, 1930. – С.11–41; Әдәбият һәм тормыш (Әдәбият фәне мәсьәләләре, тәнкыйть). – Казан, 1931, и др.
- ³⁶ *Халит Г.* Яңа гасыр поэзиясе. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 114 с.; *Нуруллин И.* XX йөз башы татар әдәбияты. – Казань, 1981. – 248 с.
- ³⁷ Метод. Стилль. Жанр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 223 с.
- ³⁸ *Нигматуллина Ю.Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Издательство КГУ, 1970. – 228 с.
- ³⁹ *Ганиева Р.* Каршылыклы еллар авазы // Казан углары. – 1983. – № 6. – С.176–177, *Ганиева Р.* Татар әдәбияты һәм Фатих Әмирхан // Мәгърифәт. – 1996, 13 январь.
- ⁴⁰ *Саяпова А.М.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе начала XX века: Дисс. ... докт. филол. наук. – Казань, 1998. – С.4.
- ⁴¹ *Нигматуллина Ю.Г.* «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. – Казань: Фэн, 2002. – С.12–13.
- ⁴² *Загидуллина Д.Ф.* Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 255 с.
- ⁴³ *Азизян И.А.* Диалог искусств Серебряного века. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С.5.

Аннотация

Статья посвящена особенностям формирования и функционирования неклассического типа культуры на материале татарской литературы XX века. В ней рассматриваются теоретические основы, философские принципы, позволяющие идентифицировать данное явление в национальных литературах. Анализируются теоретические взгляды

татарских литературоведов и писателей, касающиеся наличия и особенностей модернизма в национальной литературе начала XX века и 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: татарская литература, неклассический тип культуры, модернизм, романтизм.

Summary

The article is devoted to the peculiarities of formation and functioning of the non-classical type of material culture in the Tatar literature of the twentieth century. It deals with the theoretical foundations and philosophical principles to identify this phenomenon in the national literature. The author analyzes theoretical views of Tatar literary critics and writers, concerning the availability and features of modernism in the national literature of the early twentieth century and the 1920–1930s.

Keywords: Tatar literature, non-classical type of culture, modernism, romanticism.